

УЛЕНЕЦЪ

рис. Урабовича

ТЕКСТЪ И ТЕМЫ

Н. ШЕБУЕВА.

1905г.

ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Д. И. Котельникова
«ДИКОБРАЗ»

ЕГО РАБОЧЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРОЛЕТАРІЙ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

Спичечная фабрика.

О, не ходи туда! Тамъ вѣтъ смерти холодъ,—
Онъ трупнымъ запахомъ въ твою ворвется
грудь.

О, не ходи туда; ты такъ безумно молодъ,
Бѣги отъ этихъ мѣстъ, забудь о нихъ, забудь.
Проклятая нужда костлявою рукою
Тебѣ къ дверямъ фабричнымъ указала путь,
Ты у порога ихъ, со страхомъ и тоскою,
Не смѣешь роковой черты перешагнуть.

Глядишь на этихъ дѣвъ: у нихъ въ болячкахъ
губы

И груди впалыя, и челюсти дрожать,
И щеки мертвыя, крошачіея зубы,
И этотъ взглядъ тупой, безъ жизни взглядъ...
Безстрастный трупа взоръ безъ слезъ, безъ
просьбъ, безъ вѣры...

Все въ жизни кончено,—возврата нѣтъ назадъ:
Онъ отравлены отравой атмосферы,—
Напоены фосфоромъ и сѣрой этотъ адъ...

Чу, кашель слышится! Всѣ жизненные соки,
Все взято фабрикой: веселье юныхъ лѣтъ,
Веселый блескъ очей и розовыя щеки,
И серебристый смѣхъ, и ласковый привѣтъ...
А что оставлено?.. Взгляни на тѣни эти:
Увидишь ли въ очахъ ихъ жизненный разсвѣтъ,
Повѣришь ли ты мнѣ, что эти дѣвы—дѣти,
Что взрослыхъ мало здѣсь, а старыхъ вовсе
нѣтъ?!

О, не ходи туда! Ты такъ безумно молодъ,
Бѣги отъ этихъ мѣстъ... Забудь о нихъ, за-
будь...

Чу кашель слышится. Тамъ вѣтъ смерти холодъ.
Онъ съ трупнымъ запахомъ въ твою ворвется
грудь.

Проклятая нужда костлявою рукою
Тебѣ къ дверямъ фабричнымъ указала путь.
Ты у порога ихъ со страхомъ и тоскою...
Остановись!.. Не смѣй перешагнуть!..

Они.

(Писано въ тюрьмѣ).

Они это тѣ, кто засадилъ меня въ тюрьму
за первый номеръ Пулемета.

Я не знаю какъ *ихъ* зовутъ.

Да и не все ли равно, какъ *ихъ* фамилія:
Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, Плева,
г-жа фонъ-Штейнъ, Булыгинъ, Іоаннъ Крон-
штадтскій, Держиморда, Бабенко или даже самъ
графъ Витте.

Они пожелали скрыть свое имя. Пусть.

Но фактъ тотъ, что день выхода Пулемета
окончился *ихъ* побѣдой. *Они* послали ко мнѣ
шестерыхъ дюжихъ мужчинъ, изъ которыхъ
каждый могъ бы меня безъ труда положить на
обѣ лопатки, и одну женщину, приказали
произвести въ моей квартирѣ дебошъ, а меня
самого схватить и ввергнуть въ тюрьму.

— Какъ? А мои свободы!..

— Тамъ вамъ покажутъ ваши свободы!..

Меня не было дома. Мы съ женой верну-
лись около двухъ часовъ. Дебошъ былъ уже
въ полномъ разгарѣ.

Часть моей квартиры была обезпулемечена.
Оставался кабинетъ.

Четыре мужчины въ полицейской формѣ
вели себя корректно. Они производили дебошъ
въ чужой квартирѣ, по всѣмъ правиламъ науки
галантно, извиняясь за причиненное безпокой-
ство.

— *Они* насъ послали. Мы творимъ волю
пославшихъ.

Я былъ тоже галантенъ:

— Очень радъ... Это очень любезно съ ва-
шей стороны, что вы обратили вниманіе именно
на мою квартиру.

— Не потрудитесь ли раздѣться?

— Съ удовольствіемъ. Это тоже *они* вамъ
велѣли?

— Конечно... Вы и брючки потрудитесь
снять.

Они раздѣли меня до-гола, погладили по
животу. Неприкосновенность личности еще не
влечетъ за собой неприкосновенность живота.

Похлопали по бедрамъ. Сняли брюки. По-
трясли ихъ.

— Хорошенько трясите! Авось Пулеметъ
вывалится!

Два мужчины безъ формы и безъ языка
предстояшіе въ качествѣ понятыхъ и оказав-
шіея по справкамъ дворниками съ сѣдняго
дома, даже отшарахнулись отъ моихъ брскъ,
испугавшись моего замѣчанія.

Женщина, сидѣвшая въ прихожей и оказав-
шаяся тоже понятой,—богобоязненно перекре-
стилась.

Они прислали сюда съ полицейскими и
дворниками эту женщину, чтобы она раздѣла
и обыскала мою жену.

Но *имъ* не удалось раздѣть мою жену. Полицейскій на-слово повѣрилъ ей, что она не обвѣшена Пулеметами.

Наконецъ въ половинѣ третьяго ночи *они* меня усадили на извозчика и повезли въ тюрьму.

Въ камерѣ одиночнаго заключенія меня опять обыскали. Раздѣли. Сняли брюки. Отняли подтяжки:

— Чтобы вы не повѣсились на нихъ.

Они боятся, что я повѣшусь на подтяжкахъ!

Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, сенаторъ Марковичъ, Плеве, г-жа фонъ-Штейнъ, Булыгинъ, Треповъ, Кривошлыкъ, Бабенко, или самъ графъ Витте, — я не знаю кто именно, но кто-то изъ нихъ очевидно боялся, что я буду сниться болтающимся на судорожно

сокращающемся резиновомъ шнурѣ подтяжекъ.

Спите спокойно, гг. Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, сенаторъ Марковичъ, г-жа фонъ-Штейнъ и другіе.

Я не собираюсь умирать прежде, чѣмъ не увижу исполненіе честнаго слова графа Витте о четырехъ свободахъ, честнаго слова, о которомъ 19-го октября я читалъ въ Вѣдомостяхъ Градоначальства.

Да и къ чему въ самомъ дѣлѣ мнѣ умирать, когда на бумажкѣ, которую мнѣ выдали въ тюрьмѣ, я значусь политическимъ преступникомъ!

А разъ я политическій преступникъ, меня освободятъ. Я горячо вѣрю, что рано или поздно придетъ настоящая амнистія, а не такая игрушечная, которую намъ преподносятъ. И тогда меня освободятъ.

И такъ я не намѣренъ кончать жизнь самоубійствомъ. Да если бы и былъ намѣренъ, нашель бы способъ поэстетичнѣе подтяжекъ.

Я могъ бы заколоться стеариновой свѣчкой, которая достаточно остра пока не обгорѣлъ ея конецъ.

Я могъ бы изъ мякиша чернаго хлѣба вылѣпить мечъ, высушить его подъ кроватью и имъ отрубить себѣ буйну голову.

Вѣдь вылѣпилъ же я себѣ подсвѣчникъ! И не дурно вылѣпилъ.

Выковать мечъ изъ чернаго хлѣба,—какой богатѣйшій символъ.

Развѣ не мечемъ, выкованнымъ изъ чернаго хлѣба, вооружились сейчасъ 24 губерніи!

Развѣ не этого страшнаго меча боятся сейчасъ *они*, посылая генераловъ, адмираловъ съ пулеметами...

Да, я могъ бы покончить съ собой. Я могъ бы превратиться въ политическаго героя.

Мое тѣло *они* скрыли бы, какъ скрыли тѣла героевъ 18-го октября, и похоронили бы подъ сурдинку, какъ похоронили тѣхъ четырехъ жертвъ четырехъ свободъ.

А со временемъ надъ моей могилой, быть можетъ, поставили бы памятникъ и ваши дѣти, гг. Побѣдоносцевъ, сенаторъ Марковичъ, г-жа фонъ-Штейнъ и другіе, быть можетъ, придутъ рѣзвиться подъ снѣгу его...

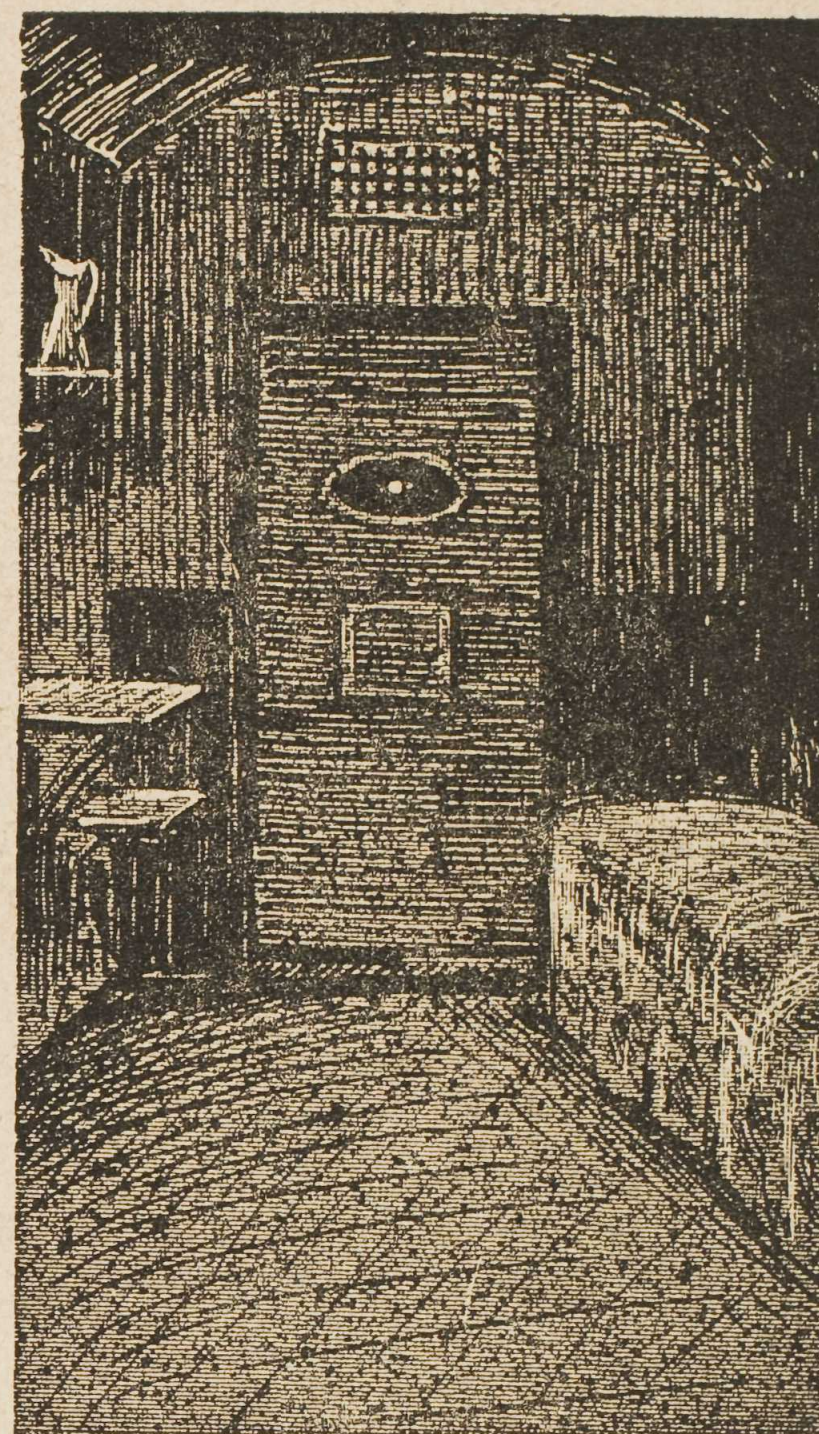
Нѣтъ, я не хочу умирать, чтобы не доставить этого удовольствія даже внукамъ вашимъ!

А между тѣмъ во мнѣ говоритъ вовсе не злоба, не озлобленіе. Я не озлобленъ. О, если бы вы посмотрѣли, какъ хохочу я сейчасъ, сидя въ этой мрачной камерѣ.

Пять шаговъ въ длину и три въ ширину, итого пятнадцать квадратныхъ шаговъ.

О, если бы я умѣлъ ходить квадратными шагами, въ моемъ распоряженіи было бы цѣлыхъ 15 шаговъ,—какой просторъ!

Но я умѣю ходить только простыми, линейными шагами,—пять туда, пять назадъ. Это скучно, но я все-таки хохочу:

— Ха-ха-ха!.. Послѣ дарованія „всеобщей, равной, прямой и тайной“ амнистіи я сдѣлался политическимъ преступникомъ!

Какое великое преступленіе долженъ былъ я совершить, чтобы попасть въ тюрьму въ то время, когда изъ нея, по увѣренію графа фонъ-Витте, выпущены даже тяжчайшіе политическіе преступники!

Да, я совершилъ государственное преступленіе.

Я напечаталъ въ Пулеметѣ, что *они* обкургузили и заморозили циркулярами нашу весну, я наглядно показалъ, какъ *они* запятнали кровью манифестъ 17-го октября, я обвинилъ *ихъ* въ томъ, что *они* виноваты въ оскорбленіи Величества—я „оскорбилъ“ *ихъ*.

И вотъ теперь *они* посадили меня безъ суда и слѣдствія въ тюрьму за... оскорбленіе Величества...

Я оскорбилъ *ихъ* ничтожество, а меня будутъ судить за оскорбленіе Его Величества!..

Развѣ не смѣшно, развѣ не

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

№ 207

ПОЛИТИЧЕСКІЯ

Фамилия, имя, отчество, звание: **Шебуевъ Николай Александровичъ**

31 ч.

Содержится въ Доме: **№ 14. Навард 1905.**

Предварно заключена: **22 октября 1905.**

Основанами об аресте - объявленъ или: **Арестъ 17 октября 1905.**

Я воевал на битву я воевал впереди
 Твой мечетъ и мечи уми ситло
 И скоро бы мнѣ мои подорветъ,
 Но рини - благородное дѣло!
 Я воевал впереди. Сколько храбрыхъ борцовъ
 На этомъ дѣлѣ ослѣбло
 Я смертный ударъ вѣдалъ твой гудьбу ютовъ,
 Но? смерт! - благородное дѣло!
 А мнѣ въ сердце раба тервъ раздумья живить!
 Мой сласто борба владѣло.
 Тигунъ, котора, разрушилъ Пулеметъ,
 Твой ситло - благородное дѣло!

Къ редактору газеты "Впередъ" отъ Николая Александровича Шебуева

Ивановъ Иванъ Ивановичъ

уморительно видѣть, какъ они сами себя возвели въ величества и требуютъ, чтобы и всѣ ихъ считали величествами...

Я черныя типографскія буквы манифеста закрылъ красной типографской краской. А они самую душу манифеста залили кровью!..

И въ тюрьмѣ не они, а я...

Амнистія... какое это не русское слово.

Чу, въ стѣну справа кто-то стучитъ.

Это, очевидно, амнистированный политическій преступникъ.

Чу, и въ стѣну слѣва кто-то слабо, но отчетливо стучитъ. Тоже видно амнистированный.

— Стукъ, стукъ, стуту-тукъ!.. Стукъ!.. стутукъ!.. Стукъ, стукъ, стукъ! стуту-тутукъ!.. Стукъ, стутукъ!..

Это мои сосѣди по тюрьмѣ вызываютъ меня на разговоръ.

Несчастные... Я сижу только второй день, а они, быть можетъ, два года, быть можетъ десять лѣтъ...

Съ какою жадностью глотали бы они стуки свѣжаго человѣка, свѣжіе стуки, свѣжія новости...

Но я беспомощно опускаю руки... Я не умѣю стучать... Въ гимназій насъ учили самымъ мертвымъ языкамъ, а этому не учили.

Въ университетѣ—тоже. А между тѣмъ для нашей интеллигенціи этотъ языкъ стуконъ тре-

буется въ 100 разъ чаще, чѣмъ греческій и въ 25 разъ чаще, чѣмъ латинскій.

Я не умѣю стучать. Со слезами на глазахъ прошу у васъ прощенія, мои амнистированные сосѣди. Я не виноватъ, что вошелъ сюда нѣмой.

Они посадили меня въ тюрьму экспромтомъ безъ подготовки.

— Стукъ, стукъ, стукъ, стутукъ!.. Стутутукъ!

Я беспомощно молчу. Я не умѣю стучать.

Да и что могъ бы я выстукать имъ, если бы умѣлъ!

Выстукать о томъ, что мы достукались до Конституціи.

Выстукать о томъ, что Россія ликуетъ, любуясь веселою кадрилию двухъ паръ свободъ.

Выстукать о томъ, что намъ дана свобода слова.

Но развѣ они здѣсь въ тюрьмѣ не пользуются свободой слова въ такой же степени какъ и мы!

Стучи въ стѣну о чемъ хочешь, если не боишься, что въ сосѣдней камерѣ сидитъ или сыщикъ, или провокаторъ.

Стучи въ стѣну!..

— Стукъ, стукъ... Стуту-тутукъ...

И мы всѣ стучимъ въ стѣну.

И будемъ стучать въ стѣну до тѣхъ поръ, пока Россіей будутъ править они,—Великое, Безликое, Многоликое Ничтожество.

Они прячутся другъ за друга, они сильны своею анонимностью, они липки какъ клейстеръ, которымъ въ охранномъ отдѣленіи замазываютъ политическіе конверты...

Они, не имѣя права, ворвались въ мою квартиру, они, не имѣя надобности, обезпокоили моихъ близкихъ, они надругались надъ манифестомъ 17 октября, они хотятъ свалить вину со своей больной головы, на мою здоровую, они тамъ, гдѣ судебный слѣдователь не нашель даже состава преступленія, нашли возможнымъ употребить самую строгую мѣру задержанія...

И вы думаете, что кто-нибудь изъ нихъ будетъ настолько джентльменомъ, что извинится передо мной, передъ моими близкими!..

(Писано на свободѣ).

Говорятъ, еще свободы
Нѣтъ на родинѣ моей,
Что протянуть годы, годы
До свободныхъ свѣтлыхъ дней...
Такъ твердить неблагородно,
Стыдно такъ твердить ей-ей...
Я купилъ свободу сходно:
За три тысячи рублей.

Такъ думалъ я, когда услышалъ вчера отъ прокурора Камышанскаго, что рѣшено мнѣ дать свободу за 3000 рублей.

Но очевидно за ночь между прокуроромъ и министромъ Манухинымъ былъ приблизительно такой разговоръ:

Министръ.—Вы продешевили, съ Максима Горькаго мы взяли 10000 рублей, а съ Шебуева только три!..

Прокуроръ.—Но Горькому мы отпустили свободу задолго до 17 октября... Тогда свобода была въ цѣнѣ. Ея было меньше... Теперь и свобода и рента упали...

Министръ.—Да. Но мы Горькому за 10 тысячъ продали одну подержанную свободу. А Шебуеву цѣлыхъ четыре новенькихъ... Это немисливо... Спросите и съ него десять.

Прокуроръ.—У него нѣтъ столько. Придется ему сѣсть.

Министръ.—Тѣмъ лучше. Пусть онъ сядетъ.

(Писано въ тюрьмѣ).

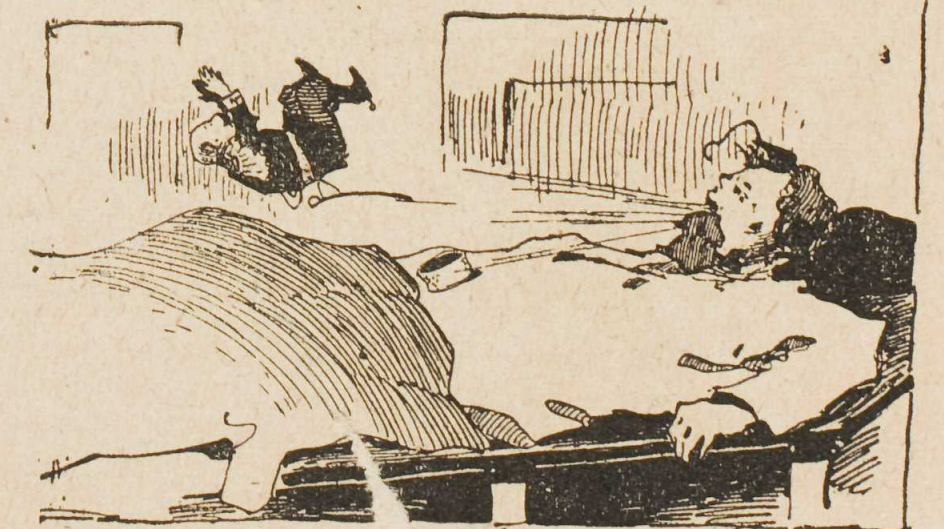
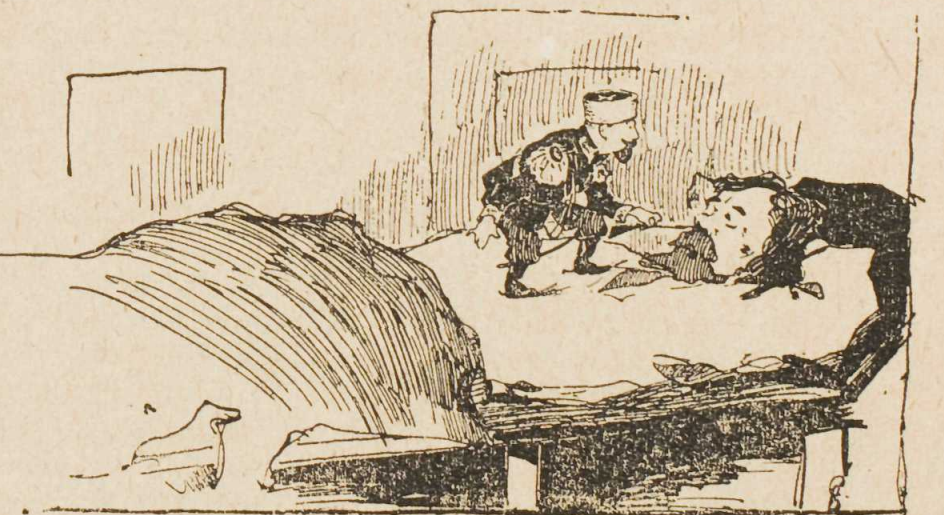
— Стукъ!.. Стуту-тутукъ!.. Стутукъ!.. Стуту-туту...

И мнѣ кажется, что за стѣной сидитъ почтово-телеграфный чиновникъ и выстукиваетъ свою петицію.

— Убрать Дурново! Убрать Дурново! Убрать Дурново!

Подошелъ къ другой стѣнѣ,—и тутъ стучать то же самое.

— Убрать Дурново!.. Убрать Дурново!..

— Апчи!..

МАСКАРАДЪ.

Тамъ, за далью непогоды, въ заколдованной странѣ
Добродѣтели, Пороки уживаются вполнѣ;
Понимаютъ превосходно, что подчаеъ другъ другу

И живутъ, не унывая, межъ собою мирно, дружно.
Чтобъ другъ друга не провѣдать, не проходить даже
дня:

Покумились, породнились, — этотъ — свать, а тотъ —
родня.

Тамъ пороки и добродѣтель поселились чуть не ря-
домъ, —

Дружно исполу занявшись въ штабъ морской большимъ
подрядомъ, —

Самъ порокъ труху сбываетъ: всякій мусоръ, гниль и
хламъ,

Съ добродѣтью дѣляся барышами пополамъ,
Потому что доставляетъ тѣ подряды добродѣтель —
Мужъ внѣ всякихъ подозрѣній, благъ общественныхъ
радѣтель.

Тамъ—проектецъ приготовить добродѣтели пороки,
Тамъ—пороку добродѣтель оттянуть поможетъ срокъ...
Словомъ, всюду, гдѣ ни взглянешь, хоть снаружи шито-
крыто,

Добродѣтель и пороки пьютъ изъ одного корыта.
Потому что добродѣтель хоть почтенна, нѣтъ и словъ,
Но рискуетъ безъ порока насидѣться „безъ дѣловъ“.
Вѣдь, не вѣкъ же ей питаться черствымъ хлѣбомъ,
кислымъ квасомъ, —

Отчего и лососинкой не побаловаться часомъ?
А поди на рынокъ сунься, — тамъ въ цѣнѣ! Стоитъ
лосось...

И пороку безъ прикрытя добродѣтели хоть брось: —
Миновало безъ возврата царство взятки и апломба!
Пусть стоитъ на каждомъ дѣлѣ добродѣтельная пломба,
Пусть стоитъ на каждомъ шагѣ добродѣтели печать, —
Безъ нея, ей Богу, трудно дѣло каждое начать.

Вотъ порокъ теперь немного, volens-nolens, и лукавить,
Къ добродѣтели подѣхалъ, та—свои печати ставитъ
На дѣлахъ его. Въ довольствѣ поживаютъ да удачѣ
Добродѣтели—бѣднѣе, а пороки побогаче.

Разъ задумали пороки новогоднй маскарадъ, —
Надоѣли вечеринки обыденныя. Парадъ
Добродѣтельныхъ пріемовъ нестерпимъ давно порокамъ;
Соберутся на журфиксахъ всѣ въ молчаніи глубокомъ.
Всѣ подтянуты, —надѣли словно на душу корсетъ, —
Ни одной фривольной фразы, ни одной улыбки нѣтъ!
И у всѣхъ на лбу читается: „мы скучаемъ! мы скучаемъ!“
Къ десяти часамъ обносятъ всѣхъ гостей холоднымъ
чаемъ

Съ сухарями. И намека на варенье не найдешь, —
Добродѣтельно, но скучно. Золотая молодежь—
Пустомыслие, Распутство и другіе кавалеры
На подобныхъ вечеринкахъ страждутъ выше всякой мѣры.
Изъ пороковъ только Скука, Лицемерье, да Тоска
Ихъ проводятъ, словно дома, —безъ единого зѣвка!
То ли дѣло у пороковъ развеселыхъ вечеринки:
И вино и хохотъ льются тамъ рѣкою, безъ запинки.
Добродѣтелямъ устроить преферансъ иль винтъ по сотой
(Позже и онѣ къ порокамъ присосѣдятся съ охотой!).
Вотъ задумали пороки новогоднй маскарадъ.

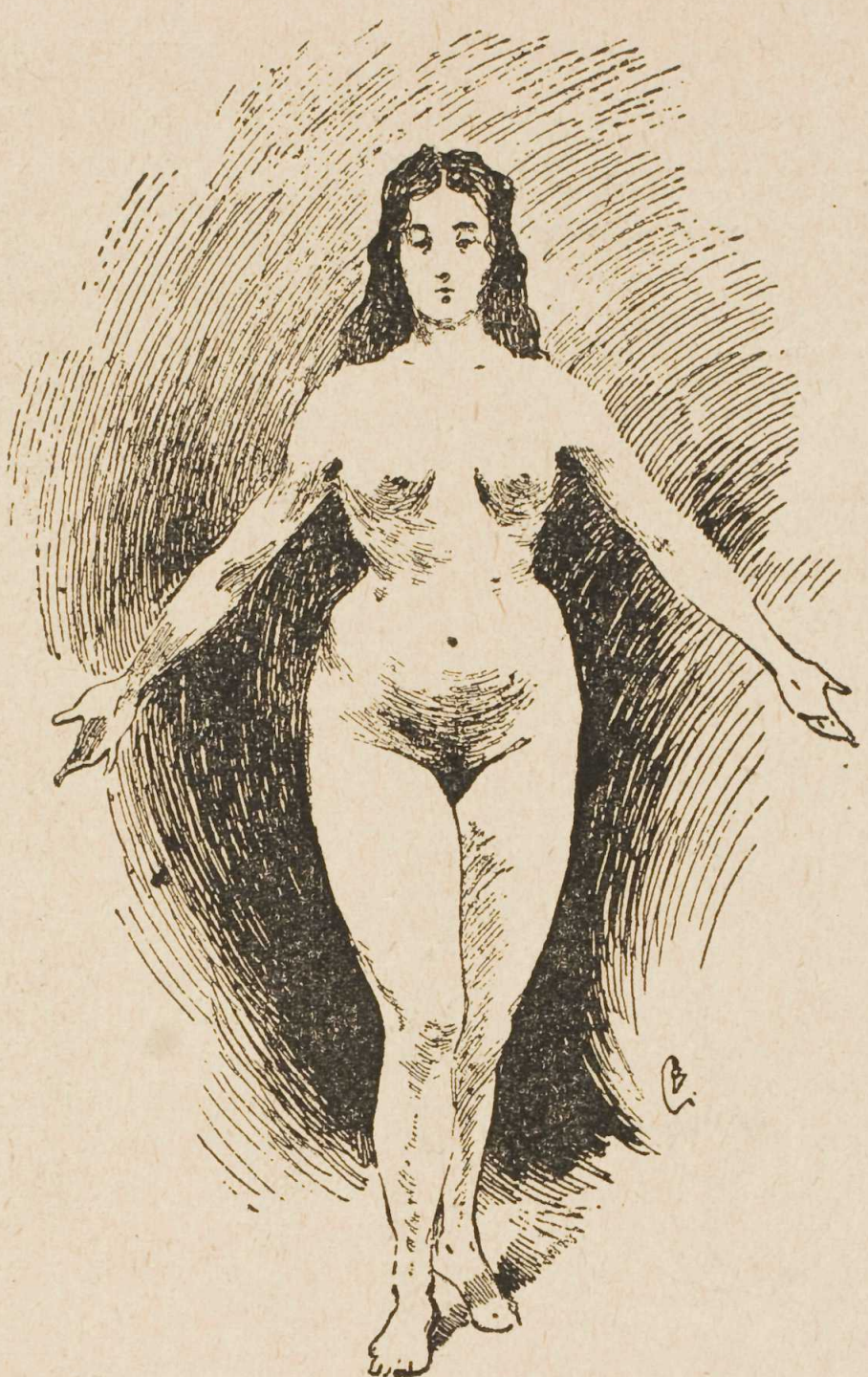
Пригласительныхъ билетовъ добродѣтелямъ спѣшатъ
Разослать какъ можно больше, —никого чтобъ не оби-
дѣть.

Всѣмъ почтительнѣйше пишутъ: „Польщены васъ будемъ
видѣть“...

Добродѣтели, билеты получивши, хмурятъ лобъ:
— „Что бы выдумать такое, что въ восторгъ всѣхъ при-
вело бъ,“

„Вмѣстѣ съ тѣмъ не уронивши наше званье ни на югу?“...
Да, костюмъ для маскарада для ума ихъ далъ работу,
— „Рѣшено! Надѣну тогу! Цинцинатусъ и Сократъ
И Ликургъ носили тоги, и другихъ героевъ рядъ,
Что теперь всѣмъ въ назиданье въ христоматію попали...“

В. Сорокин (Чернов)

До такой удачной мысли кто дойдетъ еще едва ли?“ —
Воскликаетъ добродѣтель: „У меня блестящій умъ!
„Только надо будетъ втайнѣ сохранить отъ всѣхъ ко-
стюмъ!...“

„А не то сейчасъ похитятъ благородную идею...
„Если это лишь случится, я отъ злости похудѣю!“
Но случилось много хуже: маскарадъ подвелъ итогъ, —
Добродѣтели одѣлись всѣ въ костюмы въ родѣ тогъ,
Въ одинаковомъ костюмѣ появились всѣмъ на диво,
Видно, мудрости народной выраженье справедливо:
„Такъ сошлись умы большіе“. Не сошлись зато никто
Изъ пороковъ по костюму: нарядилось Мотовство —
Расфранченнымъ по послѣдней бирмингамской модѣ фа-
томъ,

Ложь—во фракъ значокъ воткнула — нарядилась адво-
катомъ,

Глупость—цензора (конечно) приняла и гримъ и видъ,
Изъ Безвѣрія типичный вышелъ попъ-Иезуитъ,
Безпринципность—фалантропкой, а Нахальство — „этой
дамой“

Нарядились. Всякъ костюмчикъ подходящій выбралъ
самый.

Электричествомъ залито благородное собранье.
Видъ торжественный сегодня принимаетъ это зданье.
Режиссеромъ маскарада, какъ и водится, взялось
Быть Тщеславіе. Нахальство—въ дирижеры назвалось.
Хоть Нахальство по-французски и не знаетъ ни бельмеса,
Но французика Апломба „для подмоги и для вѣса“
Пригласило: — „Я съ Апломбомъ котильонъ такой за-
дамъ,“

Что танцоровъ измочалю, кавалеровъ всѣхъ и дамъ!“
А Тщеславіе, герольда помѣстивъ у входа въ залу,
Называть всѣхъ по костюму и по гриму приказало.

Къ девяти часамъ, не раньше, начался въ собраньи
сѣздъ.

Вотъ сѣзжаются пороки, — сколько леять и сколько
звѣзды!

Прокричалъ герольдъ: „Свобода! Шуты! Булыга! Куро-
патка!“

„Хулиганъ! Побѣдоносцевъ! Римлянинъ времянь
упадка!“ —

То явилась добродѣтель. — „Дурново! Иезуитъ!
Римлянка времянь упадка!“ — тотъ же самый скромный
видъ,

Та же тога, — добродѣтель появилась вторая.
— Треповъ! Чортъ! Жандармъ! Манухинъ! Штейнъ! Мар-
ковичъ! Пери рая!

Римлянинъ времянь упадка!.. Римлянинъ упадка!“ Тоги
Замелькали, замелькали. Добродѣтели, о, боги!
Словно въ форму всѣ одѣты, — словно цѣлый пансионъ
Институтокъ появился и стоять со всѣхъ сторонъ!..

Другъ на друга злобно смотрятъ: „воровать идеи гадко!..“
А герольдъ все продолжаетъ: „Римлянки времянь упадка!..
Тога! тога! тога! тога!“ — Раздается въ залѣ смѣхъ, —
То не выдержала, фыркнувъ, Невоздержанность. На
грѣхъ

И другихъ пороковъ тоже разбираетъ смѣхъ. Средь
шума

Вдругъ отчетливо раздалось: „Дама вовсе безъ костюма!“
Сразу все угомонилось, устремило къ входу взоръ.
Видятъ—Истина нагая. — „Что за ужасъ, за позоръ!“ —
Зашипѣла злобно Скромность. — „Возмутительный раз-
вратъ—“

„Появиться безъ костюма на костюмный маскарадъ!“ —
Закричало Лицемерье. — „Коль не выведутъ съ позоромъ
„Этой дамы, мы уѣдемъ!“ прокричали дружнымъ хоромъ
Добродѣтели: „Намъ стыдно!.. Насъ шокируетъ она!..“
Лишь Цинизмъ сказалъ прижмурясь: „А канашка не
дурна,

„Хоть немножко сухопара... Отзываетъ стиль модерномъ,
„Впрочемъ...“ Истина стояла и въ смущеніи безмѣрномъ
Прошептала: „Боги! боги! виновата развѣ я,
„Что нагой лишь несравненна красота и мощь моя?..
„Не глядите съ вождельнемъ на красу нагого тѣла, —
„Я пришла къ вамъ съ чистымъ сердцемъ... Встрѣтите
новый годъ хотѣла...“

„Не могу надѣть я маски... Не могу я стань облечь...
„Не могу... о, я несчастна!..“ Но ея прервали рѣчь
Добродѣтели, пороки возмущенія дикимъ хоромъ
И изгнали вонъ изъ залы дѣву-Истину съ позоромъ.

Такъ закончился скандаломъ (и какой же гротескъ-скан-
даломъ далъ!)
Новогоднй балъ пороковъ, маскараднй пышный балъ...

Страшный судъ.

Т-во И. Д. Сытинъ и К°, обжегшись на многотысячномъ выпускѣ лубочныхъ картинъ на темы русско-японской войны, по слухамъ выпускаетъ на-дняхъ въ громадномъ количествѣ картину, клише которой здѣсь воспроизводится.

Наверху—въ селеніяхъ горнихъ—праведники:

Священномученикъ: Побѣдоносцевъ.

Угодники: Дурново, Марковичъ, Будбергъ, Манухинъ, Мамонтовъ, Саблеръ, Танѣевъ, Черевинъ.

Старецъ: Владиміръ.

Пророкъ: Святополкъ-Мирскій.

Князь: Сергій.

Юродивые: Шаховской, Бельгардъ и Звѣревъ.

Ветхопещерникъ: Тертій Филипповъ.

Живыми на небо взятыя: Грингмутъ, Мещерскій.

Архистратиги: Стессель, Треповъ, Гриппенбергъ, Куропаткинъ, Рожественскій.

Газетчики.

Земцы.

Жиды.

Поляки.

Союзъ Союзовъ.

Блаженный: Булыгинъ

Дѣвственникъ: Протасовъ-Бахметевъ.

Столпники: Глазовъ, Шварцъ, Деляновъ.

Безсребренникъ: Коковцевъ.

Черноризецъ: Гермогенъ.

Черносотникъ: Іоаннъ Кронштадтскій.

Великомученики: Плеве, Сипягинъ.

Мученикъ: Боголѣповъ.

Центръ картины занятъ дьяволомъ, взвѣшивающимъ дѣянiя страсотерпца Витте. На одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ монополiя, на другой — конституцiя.

Витте не прочь бы на эту вторую чашку прикинуть свои штилеты, но стѣсняется.

Въ геенну огненную идутъ делегаты, депутаты, рабочiе, студенты, интеллигенты.

На колѣняхъ у Сатаны — забастовщикъ.

П о л у - М а д о н н а .

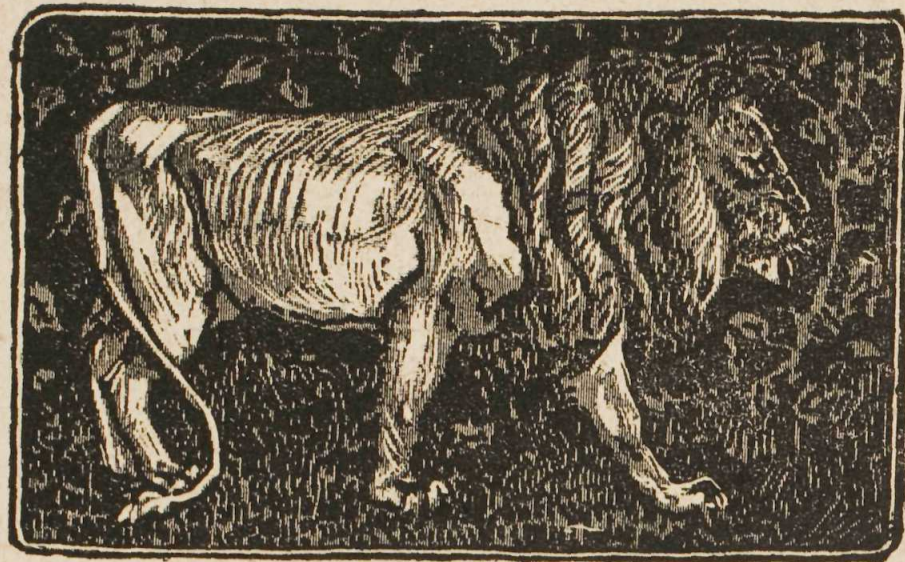
Какъ не жмите вы соска,
Не добьетесь молока!..

Витте и Казинер, Монастырь

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

- Зачѣмъ вы, сударыня, столько за корсетъ подкладываете?..
— Не могу передъ Европами безъ бюста показаться...
— Да... Но зачѣмъ такъ много краснаго?.. Послушайте меня, старика, выбросьте все красное... Вамъ предстоитъ большой моціонъ... Вспотѣете... Красное полиняетъ, потечетъ... Помните, что своя рубашка ближе къ тѣлу...

О гимназистах и реалистах.

Въ педагогическомъ мѣрѣ переполохъ.
Неожиданно для нашихъ учителей введенъ въ программу всѣхъ учебныхъ заведеній новый предметъ.

Имя этому предмету—Свобода.
Нѣтъ и не будетъ отдѣльнаго учебника свободы.
Но нѣтъ и не будетъ ни одного учебника въ школѣ, который не училъ бы свободѣ.
Свободѣ будетъ учить и учебникъ исторіи, и учебникъ географіи, и закона Божія, и словесности, и логики, и всѣ остальные.

И вотъ наши Флаксманы встали въ тупикъ передъ этимъ предметомъ.

Перемѣнять всѣ алтари, переписывать всѣ катехизисы, перекрашивать въ новую краску всѣхъ божковъ. Даже Иловайскаго!..

И вотъ повсюду въ школахъ и гимназіяхъ сейчасъ происходятъ такъ называемыя родительскія собранія.

Тѣ самые педагогическіе совѣты, которые еще мѣсяць тому назадъ за малѣйшее свободное слово превращали нашихъ дѣтишекъ въ политически неблагонадежныхъ субъектовъ, калѣчили имъ карьеру, уродовали душу, глушили мысль,—эти самые совѣты приглашаютъ родителей ознакомиться съ ихъ новыми платформами.

Собираются родители, сидятъ и слушаютъ, какъ педагоги рекомендуются.

Всѣ говорятъ о будущей жизни и упрекаютъ прошлую.

Всѣ вороны распускали павлиньи хвосты и клялись отнынѣ учить какъ слѣдуетъ, а не глумиться надъ наукой, какъ было до сихъ поръ.

И это было мерзкое, отвратительно циничное зрѣлище. И нѣкоторые родители не выдерживали:

— Какъ!.. Вы сами сознаетесь, что до сихъ поръ были душегубцами нашихъ дѣтей!.. Сами сознаетесь, что по приказанію начальства занимались вытравливаніемъ изъ сердца ребенка всего того, насадителями чего обѣщаетесь стать теперь!.. До сихъ поръ по приказанію начальства вы были безчестными по отношенію къ намъ, обманывали насъ, давали камень вмѣсто хлѣба!.. Неужели же мы повѣримъ, что теперь вы измѣнитесь, переродитесь, только потому, что начальство приказало! Да кто же васъ будетъ уважать, такихъ хамелеоновъ, которые по приказанію начальства не только готовы цвѣтъ кожи перемѣнить, но и вовсе выльзти изъ кожи вонъ!.. Не можемъ уважать васъ ни мы, родители, ни учащіяся... А безъ уваженія нѣтъ воспитанія!..

И въ самомъ дѣлѣ, когда наши дѣти, дѣти свободной Россіи, увидятъ, что по приказанію начальства учителя ихъ перемѣнили фронтъ, они поймутъ, что до сихъ поръ они, эти воспитатели, были рабами.

А можетъ-ли учить свободѣ рабъ!..
И теперь уже они поняли это.

Въ той глухой борьбѣ за свободу, которая велась

Клочки изъ моихъ газетныхъ статей.

въ стѣнахъ всѣхъ учебныхъ заведеній за послѣдніе годы, учителя играли роль ретроградовъ, охранителей, истинно русскихъ людей, порой провокаторовъ, порой шпионовъ, порой палачей—всегда обуздателей всякаго индивидуальнаго яркаго порыва.

А учащіяся, не смотря на культъ сыска, который проводился въ ихъ среду различными Циклинскими, еп masse оставались всегда прогрессистами.

Митинги среднеучебныхъ заведеній въ университетѣ (700 чел.), въ зданіи путей сообщенія (500 чел.) и наконецъ въ Тенишевскомъ училищѣ (500 чел.) показали блестяще, насколько созрѣли политически ихъ участники.

Они критиковали своихъ учителей не какъ равные, а какъ высшіе низшихъ. И въ самомъ дѣлѣ въ политическомъ отношеніи наши гимназисты и реалисты переросли своихъ учителей.

Еще бы, вѣдь учительскій персоналъ организовался путемъ естественнаго подбора. Выживали либо политически безполые, либо политическіе кастраты, либо политическіе гермафродиты.

Объ идахъ.

О недавнемъ прошломъ и, можетъ быть, не далекокомъ будущемъ.

Вспоминается какіе тревожные два дня провело еврейское населеніе въ Петербургѣ, когда мрачно тучею нависло кошмарное ожиданіе не надъ однимъ только гонимымъ племенемъ.

Негонимыя племена тоже боялись за свою участь, въ особенности тѣ свободные граждане, которые носятъ иностранныя фамиліи.

Массами покидали они городъ, переѣзжали съ частныхъ квартиръ въ гостиницы и номера.

И тамъ дрожали.

Иды пришли. Иды прошли.

Бѣглецы возвращаются на свои насиженные мѣста.

Но успокоенія мало въ городѣ. Тревога все еще виситъ: тяжелая, плотная, тягучая.

Съ кѣмъ ни заговоришь, одно услышишь въ отвѣтъ: — Погромъ отсроченъ.

Отложено, но не отмѣнено.

Иды прошли. Но нужно ждать новыхъ идъ.

И такъ вся жизнь еврейства въ Россіи. Все ждутъ и ждутъ разныхъ „идъ“.

Возьмите любой номеръ „Восхода“, еврейской газеты.

Ну хоть номеръ 21-й.

Тогда еще Портъ-Артуръ не палъ. Вниманіе всѣхъ было напряженно обращено на этотъ осажденный городъ.

Объ еврейхъ и не говорили. А между тѣмъ ужасы, которые переживалъ этотъ осажденный народъ, были ничуть не меньше портъ-артурскихъ.

Весь номеръ „Восхода“ былъ написанъ кровью и слезами.

Вотъ отдѣлъ „За недѣлю“. Тутъ шемающія сердце корреспонденціи изъ Александріи, Диковки, Конева, Смоленска, Лепелы, Ушачей, Люцины, изъ Рѣжицы (Витебской г.), изъ Сѣнно и шести селеній Кіевской губ., изъ Тротино, Крейцбурга, Витебска, Могилева, Княжичей, Сухарей, Буйничей, Сельцовъ (Могилевской губ.), изъ Чауса, Минска, Гродны и прочее и прочее и прочее, все о погромахъ, да о погромахъ.

Вотъ отдѣлъ пожертвованій. Тутъ и въ пользу по-

страдавшаго отъ погромовъ въ Смѣлѣ, и въ Быховѣ, и въ Могилевѣ, и въ Александріи, и въ Кишиневѣ и т. д.

Одни имена читая, всю географію повторишь.

А вотъ „Судебная хроника“: шестьсотъ строкъ о гомельскомъ погромѣ да двѣсти о кишиневскомъ погромѣ.

А вотъ за нимъ отдѣлъ „Корреспонденціи и сообщенія“: тутъ уже всѣ строки залиты кровью.

И это не исключительная, а рядовая, рабочая недѣля.

У меня какъ разъ есть номеръ „Новаго Края“,—газеты, которая издавалась въ осажденномъ Портъ-Артурѣ подъ громъ японскихъ пушекъ.

Васъ поразитъ мирный, слишкомъ мирный характеръ газеты осажденнаго города.

Васъ поразитъ контрастъ содержанія „Новаго Края“ и номеровъ „Восхода“.

Кажется, будто „Восходъ“ издается въ Портъ-Артурѣ.

Кажется, будто эта газета на военномъ положеніи.

Кажется, будто Дальній Востокъ перенесся на Ближній Западъ.

И всюду кровь... кровь, которую проливаетъ простой народъ.

А въ тѣхъ городахъ, гдѣ еще нѣтъ крови, нависло кошмарное ожиданіе:

Иды придутъ!

Нѣтъ надобности повторять тѣ ужасы, которые переживаетъ сейчасъ еврейское населеніе.

Весь Югъ Россіи, залитъ еврейскою кровью.

Весь Западъ.

И въ чертѣ и внѣ черты осѣдлости.

Для страданія еврейскаго народа, повторяю, нѣтъ черты осѣдлости.

Кишиневскіе ужасы разразились и въ Москвѣ. Ихъ же ожидаетъ и Петербургъ.

Всѣ четыре свободы обошли стороной осажденное племя.

Оно попрежнему остается на военномъ положеніи.

Говорятъ, будто нашъ простой народъ по природѣ юдофобъ.

Нѣтъ, по природѣ это не могло быть. Его сдѣлала такимъ юдофобская политика нашего правительства.

Чѣмъ отвѣтить на эту политику? Какъ отвѣтить?

Отвѣтъ единственный:

— Евреи всѣхъ странъ объединяйтесь!..

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Случай съ морскимъ офицеромъ не то въ Кронштадтѣ, не то въ Севастополѣ.

ГЛУПЕНЬКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

(СКАЗОЧКА ДЛЯ ДѢТЕЙ).

Жилъ-былъ глупенькій мальчикъ. Онъ не берегъ своихъ игрушекъ. Онъ не умѣлъ въ нихъ играть. Какъ станетъ играть, такъ что-нибудь сломаетъ.

Пришелъ мужикъ страшный, страшный. Онъ увидалъ, что у мальчика всѣ игрушки переломаны. Взялъ мужикъ розгу и выскѣкъ мальчика больно, больно. А когда сѣкъ приговаривалъ: — Не ломай игрушекъ! Не ломай игрушекъ!

Теперь мальчику не только играть, а и сидѣть больно.

Вотъ, дѣтки, не будьте глупенькими. Берегите игрушечки. А не то и къ вамъ придетъ мужикъ съ розгою.

00002 1905

Марсельеза.

— Вставай! Подымайся, рабочий народь!

ХУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Д. И. Котельникова
„ДИКОБРАЗ“

Н. Г. Шебуевъ принимаетъ отъ 12 до 1 часа дня (Ковенскій, 14) въ тѣ дни, когда не сидитъ въ тюрьмѣ. Объявленія въ Пулеметъ принимаются по 5 рублей за строчку петица.

Высылаются наложеннымъ платежемъ слѣдующія книги Н. Шебуева: 1) Негативы изъ „Руси“; 2) „Безъ предварительной цензуры“,—35 юмористическихъ рассказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Грабовскаго); 3) „Жизнь въ присядку“ — альманахъ; 4) „Кронштадтскія письма“; 5) „Японскіе вечера“; 6) Негативы изъ „Русскаго Слова“. Цѣна каждой книги 1 рубль.